

РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ НА УКРАИНЕ, ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЗАПАДОМ И С БЛИЖАЙШИМИ СОСЕДЯМИ: ЧЕГО СТОИТ ОЖИДАТЬ?

Стенограмма заседания Международного клуба *Триалог*
5 марта 2014 г.

Владимир Орлов: Доброе утро, уважаемые члены клуба Триалог, дамы и господа, друзья. Я рад вас приветствовать на первом в этом году весеннем заседании международного клуба Триалог, которое посвящено, конечно, не очень актуальной теме, но надеюсь, что все-таки какой-то интерес у вас есть к ней. Просто раз мы в гостинице Украина, вот решили поговорить об Украине.

Я открыл последний номер журнала Коммерсантъ. Власть, и здесь на таком заметном месте комментарий по Украине нашего друга, члена нашего Экспертно-консультативного совета Федора Лукьянова. Я его сейчас процитирую для затравки. «Великобритания или Франция сохранили отличную экспертизу по своим колониям. В России, поскольку империя была неклассическая, эти территории не воспринимались как колонии. А Украина никогда не была предметом специального изучения, ей занимались разве что историки и краеведы... Сейчас очень мешает стереотип, что, мол, русские и украинцы, – я цитирую дословно, – один хрен, да языку учить не надо... С наскоку Украину не поймешь, нужны специалисты. Сейчас людей, владеющих материалом и неангажированных, можно пересчитать по пальцам». И вот мы сегодня пригласили тех, наверное, кого можно сосчитать по пальцам, если, конечно, вы согласитесь с этой цитатой, но, наверное, и тех, кто совсем unbiased, кто совсем не ангажирован в том смысле, что мы хотели здесь представить разные точки зрения экспертного сообщества на то, что сейчас происходит на Украине, как должна себя с этим вести Россия, как будут строиться отношения между Россией и Западом в ближайшее время. Конечно, у вас в папках лежат биографии наших сегодняшних панелистов. Я думаю, вы их знаете в лицо. Здесь на экране они в алфавитном русском порядке, но выступать будут в несколько ином порядке. Сначала выступит Дмитрий Витальевич Тренин, затем Армен Гарникович Оганесян и, в заключение, – Андрей Иванович Суздальцев. И в качестве комментария я также выступлю по вопросам так называемого трехстороннего заявления и будапештского меморандума, может быть, после выступающих. Я думаю, что пришло время пригласить сюда к микрофону Дмитрия Витальевича Тренина, нашего доброго друга, члена Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, который, на мой взгляд, блестящую статью в Нью-Йорк Таймс написал - мы ее все читали. Дима, пожалуйста.

Дмитрий Тренин: Спасибо большое, Владимир. Доброе утро всем. Что касается «блестящей статьи в Нью-Йорк Таймс», у нее был блестящий заголовок

«Почему Россия не вмешается». Но, как вы знаете, заголовки – это дело редакции, не дело автора, но главный смысл той статьи заключался в том, что Россия (статья издана примерно 22 февраля), в отличие от того, что писалось, говорилось в средствах массовой информации Запада, вела себя на Украине довольно пассивно. Я попытался, успешно или нет, развеять мифы о том, что Янукович – это марионетка Путина, что под Киевом орудуют батальоны ФСБ, ну и подобные вещи, о которых довольно много сообщалось в тот период. Но случилось так, что, когда я писал эту статью, российская политика на Украине кардинально изменилась. От сравнительно пассивной политики, политики огромного терпения по отношению к тому, что происходило в это время на Украине, Россия перешла к действиям. И это, вообще говоря, ну, наверное, в характере русских терпеть долго, но затем действовать быстро, решительно и, как говорят русские (я прошу прощения у моего коллеги переводчика), «на всю катушку». То, что произошло в ночь с 21 на 22 число, поменяло не только российскую политику, но, на мой взгляд, отношения между Россией и Западом и в значительной степени повлияло на международные отношения. Произошло то, что, если суммировать и говорить только об основном, Россия прекратила геополитическое отступление, перешла от пассивности не только конкретно в украинском вопросе, но и своей международной политике. Здесь Владимир говорил об империях... Не было такого, ну я бы сказал, льготного, минимально кровавого и максимально бескровного выхода из империи, как выход из исторически Российской империи. Россия в 1991 году согласилась в одночасье на такое изменение границ, такое изменение своего внешнеполитического, геополитического, стратегического - любого статуса, которое практически не имеет аналогов в истории XX века. Я бы сказал, что российская элита, российский народ, наверное, прежде всего, российский народ проявили практически беспримерное великодушие. Но я тут должен сказать, что это великодушие, с другой стороны, великодушие по отношению к элитам других государств, к народам других государств, к своим бывшим противникам на Западе имело и другую сторону. Эта другая сторона заключалась в том, что за пределами границ Российской Федерации, новой России, осталось 25 миллионов этнических русских. И, фактически, этот вопрос, очень важный, оставался за скобками практической политики России. Так сказать, в «мейнстримовской части» экспертного сообщества о нем предпочитали вообще не говорить. Считалось, что это пахнет XIX веком, а в худшем случае, это пахнет 30-ми годами XX века, и лучше этот вопрос не поднимать, обходить и полагать, что каким-то образом будет удовлетворительно решен ко всеобщему согласию. Возможно, так оно и получилось, если бы за 20 лет, которые прошли после окончания холодной войны, у России сложились бы тесные, партнерские, фундаментально прочные отношения с Западом, прежде всего, с Соединенными Штатами [Америки]. Это было не только благим пожеланием политологов, но и практической политикой практически всех постсоветских российских президентов. Регулярно, с перерывом примерно в 10 лет, российские президенты предлагали Соединенным Штатам [Америки], Западу в целом включение России в западное сообщество. В 1992 году президент Ельцин предложил президенту

Бушу заключить союзный договор с Россией. Буш ответил на это, что холодная война закончилась и альянсы нам уже не нужны. Примерно через 10 лет президент Путин в серьезных разговорах с генеральным секретарем НАТО лордом Робертсоном говорил о желании Российской Федерации стать членом НАТО. После 11 сентября Россия де-факто стремилась стать, я бы сказал, самым ценным партнером Соединенных Штатов [Америки], самым ценным союзником Соединенных Штатов [Америки] в мире. Но в администрации Буша-младшего были уже в то время другие ориентиры и, в общем-то, от России, фактически, отмахнулись. В 2010 году – еще десять лет получается – президент Медведев, ну, конечно, при поддержке Владимира Путина, предложил НАТО единую систему противоракетной обороны, что означало де-факто военный союз без того чтобы называть это военным союзом. Третья попытка была последней по счету, но и, наверное, последней в этом цикле. Я могу, конечно, ошибаться, но мое ощущение, что в ночь с 21 на 22 февраля 2014 года закончился период между двумя холодными войнами. То есть то, что мы называли периодом «после холодной войны», наверное, будущие историки будут говорить о нем как о периоде «между холодными войнами». И если можно провести аналогию между мировыми войнами, то нерешенность фундаментальных вопросов, которая осталась после войны, в данном случае, после Первой мировой войны, осталось много вопросов, было много несправедливостей урегулирования, которые были оформлены в Версале, и это, в конце концов, привело ко Второй мировой войне. И главная ошибка заключалась в том, что послевоенное урегулирование не включало Германию. Несколько лет тому назад группа очень мудрых и крупных во всех отношениях людей, один из которых присутствует за этим столом, генерал Вячеслав Иванович Трубников, - эти люди включали представителей России, Соединенных Штатов [Америки] и Европы - попыталась прорисовать модель, которая бы исключила возможность того, что мы сегодня мы наблюдаем, – возможность возврата к холодной войне за счет создания новых отношений между Россией и Западом в рамках того, что мы тогда называли Евроатлантическое сообщество безопасности (мы называли его security community). Мы были близки к цели: было объявлено о стратегическом партнерстве России и НАТО, обсуждалась концепция единой системы противоракетной обороны в Европе, но, как говорил по другому поводу Черчилль, «подошли мы к берегу очень близко, но затонули». Я не хочу занимать слишком долго ваше внимание, я, наверное, и так долго говорил. Я не хочу создавать впечатление какого-то такой страшной катастрофы, но я думаю, что нам вот с 22 февраля приходится работать в новом международном режиме, и, наверное, в этом новом режиме будем работать какое-то время. Этот режим не обязательно будет копировать, то есть он не будет копировать холодную войну ни в коем случае, но это режим, в котором к большому моему сожалению, профессиональному, личному, соперничество, особенно, в отношениях с Соединенными Штатами [Америки], будет превалировать над сотрудничеством. Всегда есть сотрудничество и соперничество в международных отношениях, нет партнерств, которые состояли бы только из сотрудничества. Соперничество -

необходимая часть международных отношений, как необходимая часть жизни, но важен баланс. Вот этот баланс в ночь с 21 на 22 февраля сместился в сторону соперничества.

Вчера было очень показательное, очень важное интервью президента Российской Федерации. Я услышал у него в интервью следующие вещи: Россия переходит от пассивности, которая характеризовала ее поведение, прежде всего, по отношению к Западу, к реактивности и политике защиты своих интересов. Впервые с 1989 года, впервые за 25 лет Россия стала активным игроком в Восточной Европе. Самое последнее (если будут вопросы в дальнейшем, мы можем об этом говорить), я не буду касаться конкретики украинской проблемы, я думаю, что мои коллеги будут об этом говорить, я не хочу отнимать у них этот хлеб. Я хочу, в заключение, сказать следующее, что за 25 лет мир, конечно, очень сильно изменился, и отношения между Россией и Соединенными Штатами [Америки], при всей их важности, не являются центральным элементом международных отношений. Отношения между Россией и Европой и отдельными европейскими странами имеют самостоятельное значение. У России имеются отношения разного уровня, разной степени интенсивности со многими другими странами, начиная со стран Азии. Мир совершенно иной, повторение холодной войны не будет. Результат, к которому мы придем, сейчас не ясен, но ясно одно, что длительная эпоха российской сравнительной пассивности в отношении своих задач и интересов закончилась, Россия вступает на международную арену как активный игрок, который не боится конфликтов с ведущей страной мира. Этот период будет тяжелым и сложным для всех, прежде всего, для России. Вызовов и рисков будет достаточно не только в международной среде, но и внутри страны. В отличие от холодной войны 40-х - 80-х годов мы живем и будем продолжать жить, в принципе, в открытом обществе, в открытом мире с пористыми границами, и то, что будет происходить сейчас, будет гораздо интереснее, гораздо объемнее, чем то, что происходило в период закрытых обществ, непроницаемых границ. Что хорошо, и это самое последнее, я прошу прощения у моего коллеги переводчика, самая может быть хорошее во всем том, что произошло, это то, что пока, я надеюсь, так будет и дальше, вот этот поворот, фундаментальный поворот, произошел без пролития единой капли крови. Я надеюсь, так будет продолжаться и дальше, и я надеюсь, что, при всей важности военного элемента в международных отношениях, то соперничество, которое обозначилось и будет развиваться на международной арене, будет проходить в невоенных сферах. И нам нужно серьезно оценить, я думаю, каждому из нас, каждой их стран, которые здесь присутствуют, в мире присутствуют, какова его/ее роль в том, что в том мире, который в ночь с 21 на 22 февраля, на мой взгляд, очень изменился. Спасибо большое. Я прошу прощения за то, что я затянул со своим выступлением.

Владимир Орлов: Я благодарю Дмитрия Витальевича за этот блестящий анализ. Я с удовольствием предоставляю слово и приглашаю к микрофону

Армена Гарниковича Оганесяна, главного редактора журнала «Международная жизнь», советника министра иностранных дел Российской Федерации, с удовольствием отмечаю, что «Международная жизнь» является корпоративным членом нашего Экспертно-консультативного совета.

Армен Оганесян: Спасибо, господин Председатель. Хочу пояснить, что я являюсь внештатным советником министра по вопросам СМИ скорее, чем по вопросам политики, поэтому то, что я буду говорить сейчас, это мое частное мнение, вовсе не обязательно отражающее точку зрения министерства иностранных дел России. В последнее время мне приходилось много выступать в Европе, обращаться к своим коллегам, к аудитории, очень разной по возрасту, на тему «Большой Европы». В очень разных местах: в Лиссабоне, в Праге, в Лондоне, в Берлине, тем не менее, эта идея встречалась некоторыми как мечта, а другими - как мечта, которая содержит в себе очень здоровый заряд прагматического смысла. У Толстого есть хорошее высказывание: «Забирайтесь выше по течению – река жизни все равно снесет». Так и проект «Большая Европа», который впервые, как вы знаете, был озвучен де Голлем, содержит в себе вот эту идею хорошей мечты, продуктивной мечты. Но потом, вы знаете, она была поддержана Горбачевым, и совсем неудивительно, что накануне визита в США эту же идею озвучил Дэвид Кэмерон, но, когда англичане, как вы знаете, поддерживают какую-то идеологему, которая родилась в Париже, это выглядит весьма и весьма примечательно. Вы, может быть, заметили, что Путин, когда говорил о своем евразийском проекте, говорил о том, что это может быть своего рода рука, протянутая для будущего союза экономического с Европой, которая поможет Европе, евразийскому пространству придвинуться в экономическом плане к тихоокеанскому региону. Вот такая идея грандиозная. Очень многие политики относились к этому со вниманием. Я лично слышал от господина Романо Проди в частной беседе, когда он сказал: «Вообще, это мог бы быть европо-евразийский кластер экономический, который дал бы Европе новый шанс для того, чтобы ответить на те вызовы, которые сейчас стоят перед Европой: это и рецессия, это и вызов со стороны Азии, Китая».

Вы спросите, какое это имеет отношение к событиям на Украине. К сожалению, или к счастью, самое прямое. Почему такой дуализм в оценке? Потому что ближайшее развитие событий покажет, как нам смотреть на будущее вот этой идеи «Большой Европы», которая, тем не менее, на мой взгляд, далеко не списана событиями в Украине. Почему это важно? Потому что похороны этой идеи, окончательные и стопроцентные, – только они могли бы обозначить начало какого-то нового этапа холодной войны, возврата к холодной войне. Когда сегодня мы слышим риторику, такую воинственную, которую, в основном, слышим из Вашингтона, то мы видим большой зазор между позицией США и позицией Европы в отношении России, возможных санкций и прочих мер. Ни Литва, ни Испания, ни Греция, ни даже Великобритания и, тем более, Германия не собираются идти на поводу у Вашингтона. Это напоминает немного ситуацию

с Ираком, но здесь будет сложнее. Конечно, никакой изоляции России: ни политической, ни дипломатической, ни экономической быть не может. Это пропагандистский слоган. Это так далеко от *real politic*, что даже не нуждается в серьезном комментарии. Если кто-то хочет на эту тему говорить, то это, скорее, на страницах газет, в радиопередачах и так далее. И дело даже столько в том, что Россия это не Иран и не Северная Корея, дело все в том, что Россия уже настолько вписана в систему международных связей, экономических, финансовых, что изолировать ее просто невозможно. Вопрос стоит в другом: может ли мир, а, в данном случае, речь идет о всем мире, могут ли США и западные страны изолировать себя от России. Вот как на самом деле звучит вопрос. Мне кажется, совершенно по объективным причинам это невозможно.

Если говорить об Украине, то я сейчас не буду говорить о всех экономических последствиях: о том, что под вопрос будут поставлены и европейские инвестиции в Россию, и не только проблемы энергоносителей (это, как раз, в меньшей степени), но и интересы крупнейших компаний, в том числе и американских, к российскому емкому рынку, не буду говорить о поставках титана для аэробусов и так далее и так далее. Это вы все, наверняка, знаете. Дело в самой Украине. Вот, когда сейчас господин Керри пообещал один миллиард Киеву, то на фоне долговых обязательств, долгосрочных и краткосрочных, которые составляют 30 миллиардов [долларов] плюс 32 миллиарда – 62 миллиарда; вы понимаете, что это, конечно, не спасет никак и не уберезет украинскую экономику от обвала. Возникает вопрос: а может ли тогда разрешиться украинский кризис экономический без России? Я приведу лишь некоторые цифры: товарооборот между США и Украиной [составляет] около 300 миллионов, товарооборот между Россией и Украиной – 42 миллиарда. Кто может возместить или восполнить вот этот объем товарооборота, экономической заинтересованности между Россией и Украиной? России, в общем-то, не нужно в ответ каких-то принимать зеркальных санкций, чтобы другие страны почувствовали, что Россия это не Иран. Украина просто без России повиснет всей своей тяжестью, всеми своими, близкими к банкротству полными проблемами на плечах Европы, а Европа к этому, мне так кажется, в условиях еще не завершившейся рецессии абсолютно не готова. Здесь я возвращаюсь к идее «Большой Европы». Как это ни парадоксально и может вам показаться фантастическим и абсолютно нереальным, но именно Украина и ее судьба будущая могли бы стать тем нервом, который бы объединил усилия Европы и России по спасению этой страны, по поддержке этого народа. Сейчас в фокусе должна быть судьба этих людей, не юридические тонкости, не обмен пропагандистским залпами, а действительно принципиальный вопрос - будущее Украины, будущее украинского народа.

Обратите внимание, что на самом начальном этапе, еще когда кризис не вошел в горячую фазу, Россия предложила Европе вместе подумать о том, как вот «разрулить» ту кризисную ситуацию, которая уже очевидно назревала на

Украине. Теперь мы слышим призывы сесть за стол переговоров, вести и прямые переговоры, и с участием США и Европы, то есть мы возвращаемся к тому, с чего, на самом деле, начинали, к чему призывали, - а об этом просил Янукович, об этом просили и в Москве. Но до этого периода была полная тишина - Москву выдавливали из участия в этом процессе, челночные визиты министров иностранных дел взяли на себя все ручное управление и блестяще провалили. Можно сказать: ну да, это из-за России все это не состоялось, потому что она заняла такую непримиримую точку зрения, но, извините меня, каким же надо обладать политическим чутьем и сознанием, чтобы не оценить возможную реакцию России, это же тоже входит в дипломатический прогноз. Нельзя смотреть только на площадку Украины, надо же иногда оглядываться, вокруг что происходит. Если Россия не осталась в стороне от событий в [Южной] Осетии, как можно было предложить, что Россия останется в стороне от событий на Украине, где живут миллионы соотечественников, которые гораздо более тесно связаны, чем в Осетии, культурными, духовными связями с Россией, и не предложить такого исхода и такой реакции – ну это просто политическая слепота!

Почему так происходит? Я думаю, прав Киссинджер. Дело все в том, что мы очень увлекаемся собственными лабораторными, кабинетными представлениями, не представляя матрицу, по которой развиваются культура, цивилизации, живут соседние народы, мы исходим из наших лабораторных разработок и применяем их в политике. Сегодня много говорят о том, что вот Путин проявил некую тенденцию к экспансионизму, к имперскому сознанию, но не говорят о том, что российский народ не простил бы ему бездействие - он бы просто не состоялся как политик. Страна, которая пережила Вторую мировую войну, вышла из нее с такими миллионными потерями, мириться с тем, что рядом с ней находится государство, где лидеры вывешивают у себя портреты Бандеры, где лозунг звучит такой – «Чемодан – вокзал – Россия» - со стороны части населения Западной Украины, слышать о том, что те, кто были коллаборационистами в годы Второй мировой войны, чуть ли не герои, сносить исторические памятники (я сейчас не о памятнике Ленину – у меня к Ленину самое негативное отношение, меня не трогает то, что Ленина там сносят), но памятники исторические Кутузова, захваты храмов и, к тому же, вот даже сейчас, смотрите, вот как-то удивительно закрываются глаза. Сейчас вот так называемые «правые партии» или «правое дело» (как там они называются?) обходят в Западной Украине дома тех жителей Западной Европы, у которых родственники работают в России, угрожая физической расправой. Требуют, чтобы они вернулись обратно, к себе на Западную Украину. Таких фактов огромное число: избиение, издевательство. Поезжайте в Западную Украину, притворитесь, что вы из Москвы, что вы русский, если у вас чистый русский язык, и поговорите там на чистом русском и скажите, что вообще вам нравится Москва – красивый город. Не надо никакой политики. Вот просто так. Я посмотрю, если это будет в некоторых областях, что будет с вами. Я вам не советую, на самом деле, это делать.

Завершая, хочу сказать, что я надеюсь (это моя личная точка зрения), что Европа и Россия вполне способны совместно решить украинский кризис, назовем это так. Именно потому, что Европа все-таки обладает гораздо большим историческим сознанием, гораздо больше понимает матрицу европейских непростых отношений и способно понимать гораздо больше те реалии, которые происходят сейчас в Украине. Даже такие разные, можно сказать, точки зрения, которые высказывают *Guardian*, например, и *Daily Telegraph*, лейбористская газета и традиционная консервативная, говорят, что мы проглядели вспышку радикализма и неонацизма в Украине, и нам нужно корректировать свои оценки и подходы и искать какие-то общие знаменатели в подходе ко всей ситуации на Украине с Россией. Вот и хотелось бы пожелать, чтобы мы говорили поменьше о холодной войне и говорили о тех совместных возможных конструктивных усилиях, которые бы показали, что общеевропейское сознание способно с такими кризисами справляться. Спасибо за внимание.

Владимир Орлов: Я благодарю Армена Гарниковича за очень четко и ярко выраженную позицию и за его предложения по работе между Россией и Европой по Украине. Прежде чем я передам слово нашему последнему заявленному докладчику, я в исключительном порядке предоставляю слово для короткого комментария члену клуба, герою России, генералу армии, руководителю Службы внешней разведки в прошлом Вячеславу Ивановичу Трубникову.

Вячеслав Трубников: Я буду говорить по-английски, может быть, не очень хорошо, но, чтобы сэкономить время, я знаю, что европейские коллеги понимают американский английский лучше, чем любой другой язык. Я поддерживаю полностью то, что сказали Дмитрий и Армен, они дали четкие и ясные определения, но у меня есть собственные комментарии.

Мы должны понимать, что существуют границы, которые переходить нельзя. Это основная мысль моего очень краткого выступления. Все, что произошло сегодня в России, это совершенно законно: как действия внутри страны, так и за ее пределами. Войны нет. Мы не ее хотим. Мне вчера позвонили из Тель-Авива и позвонили из Дели. Они думают, что идет война. Войны нет. Это совершенно корректное дипломатическое давление, да, этого я не скрываю, но это позиция страны, которая не может быть равнодушна к судьбе граждан, к судьбе соотечественников. Это необходимо принять во внимание. Мы не собираемся вмешиваться во внутренние дела Украины. Это суверенная страна. Я предполагаю, что у этой страны нет замечательного будущего. Федерализация, с моей точки зрения, неизбежна. Крым – это часть Украины и не хочет отделяться. Надо слушать то, что говорит Аксенов. Они не хотят отделиться от Украины. Но они не хотят быть марионетками в руках совершенно незаконной власти Киева. Кто сказал, что Янукович не обладает законным статусом? Не было никакой законной процедуры, не было импичмента - ничего не было. Да, мне он не нравится, но Аксенов же сказал: «Есть законный президент!» В этом случае,

когда мы имеем дело с Западом, Европейский Союз и Соединенные Штаты Америки нам говорят, что мы должны соблюдать правовые моменты. Но тогда это должны быть правовые моменты. Кто сказал, что он [Янукович] является незаконным президентом? Никто этого не говорил! Да, с моей точки зрения, он предал свою страну, он предал Беркут, который пытался его защитить, я так думаю. Но, тем не менее, он является законным президентом, но почему мы должны признавать Майдан, это уличное сборище различных преступников? Вы, европейцы, учите нас, что необходимо соблюдать правовые моменты, вы учите нас манерам, но почему вы говорите, что мы должны признавать Майдан? Я говорил немного эмоционально, но, тем не менее, зачем здесь нужны двойные стандарты? Если подход является европейским, то он таким и должен быть. Спасибо.

Владимир Орлов: Я понимаю, что для российских людей этот вопрос политический, это вопрос эмоциональный, но, коллеги, также это, работая в Москве, понимают и чувствуют. Должен сказать, что генерал Трубников был и первым заместителем министра иностранных дел Российской Федерации, который работал со странами СНГ. Теперь я предоставляю слово нашему последнему панелисту, заместителю декана факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики Андрею Ивановичу Суздальцеву. Пожалуйста.

Андрей Суздальцев: Спасибо. Добрый день. Мое выступление будет, наверное, все-таки более скучным, чем предыдущие. Тема, которая мне предложена, будет, конечно, видимо, более скучная, потому что не такая эмоциональная. Я буду говорить о причинах этого конфликта не только внутри политического поля Украины, но и на международной арене. Тема огромная, но скажу, что сейчас формируются новые магистратуры по политическому пространству, и для Украины там выделяется три курса, каждый из которых читается по полгода. Представляете тот объем информации, который мы собираем по Украине.

Кризис, который мы наблюдаем на Украине, носит очень сложный и противоречивый характер, и нельзя его сводить просто к расколу элит. В основе кризиса лежат сложные социально-экономические, политические проблемы, которые не решались годами прежним руководством Украины. Мы должны признать, что, в общем-то, основная масса украинского населения майдан поддержала. Независимо от вероисповедания, независимо от проживания, каких-то пристрастий конфессиональных или культурных. Это связано с тем, что в создавшейся ситуации на Украине, в ее экономике, она затронула всю массу украинского населения. Это стремление народных масс вырваться из нищеты, из ловушки миграционной экономики, из господства криминальных кланов, которые обеспечивали, в общем-то, газ на Украине, - это и создало монолитную поддержку оппозиции майдана на западе страны и молчание востока. Второй причиной, приведшей к катастрофе правительства Януковича, явились большие

сдвиги в сфере бизнеса в Украине. Украина, действительно, является таким оазисом богатейших людей Европы. И, действительно, на первом этапе Янукович обеспечил полную поддержку всех олигархических кланов своей власти. Но потом, буквально, в течение пары лет ситуация стала меняться, появились новые бизнес элиты, которые были связаны уже с семьей Януковича, включая его сыновей. Криминальный бизнес ставил Януковича без поддержки олигархов, и, в общем-то, так он оказался уже в одиночестве. В общем-то, на этом этапе все какие-то конфессиональные, культурно-цивилизационные, этнические различия на Украине отошли на второй план. И политическая оппозиция, очень амбициозная, надо отметить, поняла, что сейчас появляется такое «окно возможностей», чтобы прорваться к власти. Но не бывает односторонних политических процессов. Конечно, мы видим прекрасно интересы крупных политических сил в этом конфликте. Мы должны понимать, что майдан, с одной стороны, стал инструментом жесткого давления Евросоюза и США на Януковича, но, с другой стороны, он оказался инструментом привлечения крупных геополитических сил для решения внутренних украинских проблем. После официального ноябрьского вердикта стало ясно, что евроинтеграционная тема явилась прикрытием для решения вопросов власти. Возникла политическая чехарда: внешние игроки и внутренние игроки заменяли друг друга, подменяли, скрывали друг от друга, в общем-то, и привлекали на себя внимание в нужный момент, готовя главную свою добычу - это правительство Януковича. Итак, майдан – это совершенно уникальное политическое творчество народных масс, аналогов ему нет, и в его существование майдан неоднократно менял свой состав и цели, то есть это был живой такой механизм изменения политической ситуации в стране. Но мы должны понимать, что на определенном этапе майдан стал выразителем протестного настроения всего украинского общества. Майдан -это индикатор не только уровня развития украинской демократии, но и показатель слабой украинской государственности. Майдан показал, что традиционные демократические инструменты решения политических проблем: демонстрации, пикеты, работа в парламенте, забастовки, бойкоты - вот все эти методы оказались непригодны в условиях Украины. Является ли майдан разрушителем украинского государства? - Нет. Это метод выживания украинской государственности, поиск элитой новой волшебной формулы, позволяющей скрепить это очень разнородное государство в центре Европы. Обратите ваше внимание на то, что майдан постоянно мечется в поисках какой-то новой формулировки, которая позволила бы дать еще один шанс властным элитам. То была президентско-парламентская республика, то парламентско-президентская республика, то варианты разделения властей, то возникает вопрос переписывания конституции, и постоянно что-то ищут, чтобы найти почву под ногами - вот это как раз делается в рамках майдана и окружающих его структур. К сожалению, обнаружена раковая опухоль. Что это за раковая опухоль? Майдан инициирует изменение существующего строя на Украине, 25 мая появится новый президент. Нет никаких гарантий, что после избрания президента не появится новый майдан, который объявит нового президента опять-таки нелегитимным, - начнется по

новой борьба. Для этого есть некоторые тенденции. Обратите внимание, сейчас майдан - это не просто националисты, это социалистические националисты. Они говорят с позиции жесткой социалистической риторики. Естественно, проходил процесс постепенной радикализации состава майдана - это можно было наблюдать, ну и вот как раз амбиции трех лидеров оппозиции не позволили не только взять под контроль эти радикальные элементы, но и выделить единого оппозиционного лидера современной Украины. В итоге, как вот в истории Великой французской революции, майдан пришел к стадии крайнего националистического радикализма – все, это его последняя стадия развития, он законсервировался и сейчас выражает интересы только представителей западных областей Украины. На деле, это вот вопрос риторический, могли правые силы, правые радикалы, дойти до такого уровня развития без поддержки уже бывшего президента Януковича? Тот же Правый сектор является итогом многолетней игры Службы безопасности Украины, спецслужб Украины с правыми радикалами: о них заботились, их растили, их провоцировали - это была такая постоянная угроза. То есть им проще использовать правых радикалов, показывая, что они являются последним окопом, который удерживает ситуацию в стране от скатывания в хаос. То есть они сами выпустили джина из бутылки. И не стоит забывать, что сам майдан до такой степени выгоден и Януковичу. Именно размахивая лозунгом о том, что на руках у Януковича находятся националистические группы центре столицы Украины, он с этим приезжал и в Пекин, и в Сочи, и в Москву, требуя поддержки. Необходимо отметить, что в идеологической основе майдана лежит такая жесткая русофобия. Это понятно. Это не должно вызывать у нас каких-то удивлений и возмущений. Это было понятно, что политические силы, которые майданом руководят, всеми силами попытаются сделать из Киева место столкновения Востока и Запада. Это было ожидаемо, и сейчас мы ожидаем другой этап, он уже начался, сейчас новая власть ищет какие-то компромиссы, какие-то союзы в политическом поле Украины, и здесь надо искать, кто главный виновник той трагедии, которая произошла на майдане, вот где эти силы неизведанные? Конечно, эта третья сила должна быть назначена – это будет Россия.

Сейчас мы входим во второй этап украинского политического кризиса. Он связан с тем, что современная Украина де-факто оказалась федерацией. С победой майдана все политические силы востока и юго-востока Украины потеряли свое представительство в Киеве, и восстановить его практически невозможно. В чем проблема? Дело в том, что современные представители победившей власти являются носителями очень пассионарной националистической идеологии, которая не оставляет никакого места местным элитам. Вот в этом заключается внутренний конфликт, который сейчас разрастается на наших глазах и, естественно, приобретает русский оттенок. Местные элиты на Украине, традиционно, очень сильны и опираются на местные финансово-промышленные группы, и не только Крым, но и другие воспользуются ситуацией того, чтобы увеличить свое влияние в регионах. Не

стоит забывать, что Янукович волевым путем загонял в эти регионы своих донецких бизнесменов, сейчас их оттуда всех убирает, и люди приходят на новые места. К сожалению, этому способствует сам Киев. Обращаясь к Западу, к Европе с просьбой о помощи, он демонстрирует регионам, что центр слаб, что выбираться надо из трагедии самим, самостоятельно. Это вот тоже стимулирует этот процесс.

Касаясь Киева и Крыма, крымского вопроса, мы должны понимать, что и Киев, и крымское руководство как раз заинтересованы в разжигании конфликта. И Симферополь, и Киев. Я считаю, что Симферополь находится как дочернее предприятие Москвы, у них есть собственные региональные амбиции. Предлагаемый референдум, который сейчас готовится в марте в Крыму, конечно, должен быть. Объясню, в чем дело. Дело в том, что, действительно, крымская проблема стала таким тупиком в развитии наших отношений между Киевом и Москвой, в Москве и Киеве есть целая когорта политиков, которые построили свою карьеру на крымской проблеме; и, в общем-то, хотелось бы понять, а может, действительно, нет никакой проблемы, то есть, действительно, провести под международным контролем нормальный референдум.

Несколько слов скажу о влиянии украинского политического кризиса на ближайшие страны постсоветского пространства. Надо сказать, что конфликт на майдане привел в замешательство правящие круги таких стран, как Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан. Дело в том, что майдан внес огромный антиавторитарный заряд – и это прекрасно почувствовали. И были проведены массы мероприятий, которые должны были ликвидировать любую основу для местных майданов. Была парализована активность политических сил, выявлены новые лидеры, оценена роль Евросоюза и США. Не будет тайной, что на майдане были замечены представители спецслужб всех стран постсоветского пространства. Чем они там занимались? Они занимались изучением тактики майдана и выявляли граждан своих государств, которые активно участвовали в этих столкновениях. Победа майдана в Киеве и роль Евросоюза в этой победе заставили правящие круги таких стран, как Белоруссия и Армения, обратить внимание на их роль в «Восточном партнерстве». Восточное партнерство стало восприниматься как некая ловушка для авторитарных деятелей. Однако ни один из союзников России на постсоветском пространстве, штатных союзников, Казахстан и Белоруссия, которая находится в с союзе с Россией, в Союзном Государстве, пока публично никакой поддержки политике Путина на Украине не высказал. И сегодня начинающий работу Высший евразийский экономический совет, видимо, эту проблему должен поставить. Вот на этом я бы хотел остановиться, потому что в тексте, который у вас есть, есть еще немного белорусская позиция по этой ситуации, и она очень интересная, она там не меняется, то есть лидеры этих государств постсоветского пространства ищут варианты своего политического выживания в данной ситуации. Спасибо.

Владимир Орлов: Я благодарю Андрея Ивановича за то, что он нам приоткрыл глаза: он видит внутривнутриполитическое развитие Украины. Я думаю, что у нас появилось уже несколько таких потенциальных лозунгов, или, если бы здесь были журналисты, а не дипломаты, заголовков. Но одно из них, как Андрей Иванович предположил, это «Perpetuum Maidan» вместо *perpetuum mobile*, который может появиться. А второе, я думаю, что мы все понимаем, что “Game’s over – game’s just started”, то есть игры Олимпийские закончились, а настоящая игра началась. В этой связи я хотел бы в своем комментарии коснуться вопроса, которого касаются и те люди, которые пришли сейчас де-факто к власти в Киеве, многие европейские коллеги, да и американские - это вопрос «Будапештского меморандума» и трехстороннего заявления (*trilateral statement*). Моя задача облегчается тем, что на следующей неделе члены клуба получают очередной выпуск журнала “Russia Confidential”, там будет мой материал об этом, поэтому я сейчас обозначу только несколько тезисов в качестве комментария.

Первый пункт связан с тем, что, вообще, действует ли сейчас Будапештский меморандум. Потому что тогда другие пункты уже не релевантны, не имеют уже значения. Президент Путин вчера начал отвечать на этот вопрос. И, собственно, дал выбор другим подписантам Будапештского меморандума. Если то, что произошло в Киеве, - это переворот, и после этого переворота будут проведены процедуры демократические, которые позволят восстановить законность в стране, то Россия будет иметь дело с властями Украины, законными, и тогда рассматривать Будапештский меморандум как законный. Но тогда сегодня Соединенные Штаты [Америки], Великобритания должны признать, что законным президентом Украины является Янукович. Если они этого не признают и считают, что на Украине произошла демократическая революция, то, значит, речь идет о создании нового государства (в данном случае перефразирую Путина), и, значит, Будапештский меморандум не действует. Соединенные Штаты [Америки] и Великобритания, как минимум, должны сделать свой выбор. Хочу обратить внимание [на то], что такое Будапештский меморандум и трехстороннее заявление. Думаю, большинство в этой аудитории прекрасно это знает, это у вас каждодневно в ваших рабочих файлах, и, тем не менее, речь идет о гарантиях безопасности Украины, которые были даны в 1994 году в обмен на вывод из Украины ядерного оружия, вывод российского ядерного оружия, находившегося на территории Украины, которое Украина не контролировала.

Я был в Киеве 1 декабря 1991 года, когда де-факто произошло завершение Советского Союза, оно произошло не в Беловежской пуще, а на референдуме по независимости, «незалежності» Украины 1 декабря 1991 года. Я историю с ядерным оружием на территории Украины помню досконально с этого момента. Затем в сентябре 1993 года, 3 сентября, я был в замечательном месте Массандры в Крыму. Вместе с Ельциным, Черномырдиным тогда был подписан так называемый «протокол», даже 3 протокола между Россией и Украиной по поводу ядерного оружия. И я прекрасно помню, как уже, когда мы были на аэродроме,

убывали из Симферополя, из Крыма, появились украинские дипломаты и сказали, что что-то они забыли вписать в уже подписанные документы и шариковой ручкой стали добавлять текст. Они добились своего: Россия денонсировала эти протоколы. В результате, Украина сказала, что без участия Соединенных Штатов [Америки] никаких двусторонних договоренностей с Россией быть не может. Эффект Массандры, эффект такого недипломатического поведения и шантажа был характерен для украинской дипломатии на всем протяжении решения ядерного вопроса, им ядерное оружие было нужно и даже не гарантии безопасности - это сугубо экономическая помощь, которая затем частично была разворована. И, тем не менее, для присоединения Украины к договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства, Россия пошла на беспрецедентный шаг, и, видя весь этот шантаж, все-таки проявила хладнокровие и заключила соответствующий меморандум 5 декабря 1994 года. Но и Россия тогда, конечно, была другой.

А теперь просто возьмите два документа: январское заявление трехстороннее 14 января 1994 года – трехстороннее заявление президентов России, США и Украины (trilateral statement) и Будапештский протокол от 5 декабря 1994 года. В трехстороннем заявлении обязательство Соединенных Штатов [Америки] – скорейшая ратификация договора СНВ-2 – не ратифицирована! И дальше очень важный пункт, где они записали, как будет формулироваться договоренность, ну в отношении сегодняшних и завтрашних событий очень важно. Подтвердят Украине, что они [Россия и США] подтвердят Украине свое обязательство, в соответствии с принципами СБСЕ тогда еще, уважать независимость и суверенитет и существующие границы государств-участников СБСЕ. Но дальше: «и признать, что изменения границ могут осуществляться только мирным путем и по договоренности». Возьмите меморандум, последней части там еще нет. Конечно, гарантии безопасности Украины также должны характеризоваться тем, что никто применением ядерного оружия не угрожает. И надо иметь в виду, конечно, статус этого документа сегодня. Исходя из того, что я только что сказал: если другие участники-подписанты – Соединенное Королевство и Соединенные Штаты [Америки] – признают легитимность президента Януковича (с последующей коррекцией), то тогда нужно действовать согласно пункту 6 меморандума: «[страны-подписанты] будут консультироваться в случае возникновения ситуаций, затрагиваемых относительно этих обязательств со стороны России, США и Великобритании». «Будем консультироваться»... Что это значит? Взяв в руки и Будапештский протокол, и трехстороннее заявление, понять, что такое «изменение границ согласно договоренностям»... Включая, наверное, возможности референдума в тех частях Украины, которые имеют собственную конституцию и автономию. Если исходить из того, что США и Великобритания признали новое революционное правительство на Украине и движение народных масс в том плане, как оно сейчас идет, значит, тогда и говорить не о чем.

Я хотел бы отметить, что я высказал сугубо свое экспертное мнение по этому поводу. Просто как человек, который занимался подготовкой этих документов и отслеживанием этой ситуации.